

Ин Цинъян, разумеется, даже не догадывался, какой переполох поднялся снаружи.

Он сидел на краю постели, рассеянно переплетая пальцы. Юноша пристально всматривался в посиневшие, тронутые ядом губы незнакомца, гадая, подействует ли знаменитая пилюля очищения от ядов.

Это было тайное сокровище императорской семьи Великой Ин. Каждому члену правящей династии полагался маленький флакон с этим средством. По слухам, снадобье исцеляло от любых ядов, а его рецепт давным-давно преподнес престолу какой-то странствующий даос.

Сам Цинъян им никогда не пользовался — просто случая не представлялось, — поэтому и растратить драгоценное лекарство сейчас ему было ничуть не жаль.

В мыслях он снова и снова возвращался к тому мгновению, когда впервые увидел этого человека.

Юноша гадал, как бедняга умудрился в лютую стужу сорваться с кручи, да еще и в одном исподнем.

Цинъян всегда отличался живым умом, а сейчас, когда усталость навалилась мертвым грузом, его мысли и вовсе пустились в безудержный пляс. Нелепые, фантастические догадки теснили друг друга, сменяясь одна за другой.

Как он и рассудил сначала, вариантов оставалось всего два: либо несчастного пытались сжить со свету враги, либо он сам искал смерти.

Но какими же лютыми должны быть враги, чтобы сотворить подобное? Сначала отравить, а потом выгнать раздетого на мороз, в самую метель.

И все же, какими бы скудными ни были познания Ин Цинъяна о роскоши, он прекрасно понимал: ткань тонкого нательного белья незнакомца была слишком благородной для простого беглеца или бродяги.

Значит, он сам решил свести счеты с жизнью?

Вот только понять этого Цинъян не мог.

Сам он, даже оказавшись на самом дне, всеми забытый и брошенный, цеплялся за жизнь зубами и когтями, стремясь прожить ее ярко и свободно, несмотря на любые невзгоды.

Оттого подобная готовность сдаться казалась ему непостижимой.

Разгоревшись, любопытство захватило его без остатка, и Цинъян, сам того не замечая, спросил вслух:

— Когда он очнется?

Ему безумно хотелось узнать, через что прошел этот человек, услышать его живой голос.

Спросить, кто он такой и откуда родом, расспросить о землях за пределами Богом забытого Цюньжоу... Цинъяну не терпелось увидеть мир, в котором он переродился, но который так и не успел толком узнать.

— Да даже с пилюлей очищения от ядов не раньше чем через пару дней, — отозвался лекарь Сунь, устраиваясь на низком табурете у жаровни.

В Северных землях зимы стояли лютые, поэтому печи и жаровни частенько обустраивали прямо в жилых комнатах. Отгороженные от спальни лишь тонкой перегородкой, они исправно давали тепло всему дому.

Лекарь Сунь томил на огне глиняный горшочек с отваром, лениво помешивая угли и то и дело зевая.

«Не скорми ему малец пилюлю очищения от ядов, этот покойник и получаса бы не протянул, — ворчал про себя лекарь. — И зачем только портить мои снадобья? Я эти травы в прошлом году по крупницам в горах собирал, спину гнул, а теперь переводить добро на ходячий труп... Жалко же!»

На затылке у Ин Цинъяна глаз не было, так что он не видел, как старик отлынивает от работы.

Хоть Сунь и уступил упрямству юноши, он не сомневался: Великий наставник наследного принца Цзян Юньчжи ни за что не позволит маленькому принцу творить глупости.

«Уж кто-кто, а Цзян Юньчжи живо примчится, — старик с важным видом погладил жидкую бородку. — И четверти часа не пройдет, как старый ворчун ворвется сюда и устроит Его Высочеству знатную головомойку»

Но время шло. Отвар уже давно приготовили и принялись вливать в рот их «будущему супругу». Несчастный половину выплевывал обратно на постель, отчего у лекаря Суня сердце обливалось кровью за впустую потраченные снадобья. А Великий наставник так и не появлялся.

Даже пожаловаться на расточительство было некому — господина Цзяна и след простыл.

«Да где же его черти носят?»

\*\*\*

Деревенька у подножия диких гор была по-своему велика — здесь легко укрывались десятки неприкаянных душ, выживших осколков павшей династии.

Но в то же время она была крошечной: любая новость разлеталась мгновенно. Не успело пройти и получаса с тех пор, как Ин Цинъян приволок из леса свою «добычу», а весть об этом уже дошла до ушей Великого наставника Цзяна, державшего в кулаке всю общину.

Правда, поначалу слухи звучали вполне невинно:

— Наш принц опять притащил какую-то диковинку из чащи. Носится с ней пуще прежнего — даже когда ту хромую кобылу выхаживал, так не переживал.

Цзян Юньчжи, вконец измотанный дневными заботами и прекрасно знавший за воспитанником эту неистребимую привычку подбирать всякую дрянь, лишь отмахнулся. Он решил не вмешиваться и прилег немного вздремнуть.

Каково же было его удивление, когда, воспрянув ото сна, он услышал совершенно иное:

— Наш принц притащил в дом мужчину! Говорит, влюбился с первого взгляда и твердо вознамерился взять его в супруги!

«Что?!» — только и смог мысленно выдать Цзян Юньчжи.

Выслушав ошарашенного соратника, Великий наставник поначалу решил, что все еще спит и видит дурной сон.

Он распахнул дверь, чтобы убедиться в реальности происходящего, но ледяной порыв ветра, швырнувший в лицо пригоршню колкого снега, мгновенно привел его в чувство.

Великий наставник поспешно отступил обратно в тепло. Натягивая плотный стеганный халат, он так и сыпал проклятиями:

— Вздор! Неслыханное безрассудство! У паршивца так чешутся бока, что он и дня не может прожить без глупостей!

— А ну выкладывайте всё как есть! Что там стряслось?

В комнате Великого наставника собрались уцелевшие сановники павшей империи — те, кто составлял костяк их маленького убежища.

Цзи Чэнфэн и Чэнь Лэй — бывшие императорские гвардейцы Великой Ин. Во время поспешного бегства из охваченной огнем столицы именно они прикрывали отход горстки выживших. Обоим исполнилось по сорок два года. Закаленные в боях воины, сильные и выносливые, они оставались главной рабочей силой в деревне.

Шэнь Хуайюань — бывший министр ритуалов. В свои почтенные семьдесят восемь лет он считался старейшиной общины. И пускай старик почти оглох и порой впадал в беспамятство, здоровье у него по-прежнему оставалось крепким.

Шэнь Лан — его тридцатидевятилетний внук, выходец из именитого клана. Когда-то он блестяще сдал государственные экзамены и успел немного послужить в ведомстве общественных работ, заслужив почетное звание Таньхуа за год до падения династии. Теперь же, давно позабыв об изящной словесности и трактатах, он сделался искусным портным и обшивал всю деревню.

Цзи Чэнфэн, немного смысливший в плотницком деле, смастерил для старого министра деревянную каталку, на которой Шэнь Лан каждый день вывозил деда погреться на редком зимнем солнце.

Все прочие обитатели деревни были бывшими слугами, евнухами и преданными челядинцами. Несмотря на долгие годы совместной жизни бок о бок, они держались особняком и не входили в ближний круг.

Долгий и мучительный побег, а затем выживание в этом глухом, суровом краю унесли немало жизней.

Чтобы не привлекать внимания, они годами избегали любых связей с внешним миром. Без семей, без будущего — казалось, им суждено было тихо угаснуть в этом безлюдном ущелье.

В зимнюю пору мало кто без нужды показывался на улице, но нынешнее известие переполошило всех. Забыв о холоде, мужчины поспешили к наставнику.

Впрочем, у дверей дома Пятого принца непреодолимой преградой встал Цзян Мо, наотрез отказавшийся впускать любопытных. Потоптавшись на крыльце, советники не нашли ничего лучшего, как завалиться к Великому наставнику и безжалостно прервать его послеполуденный сон.

Так они и оказались все вместе в этой тесной комнатке.

— Надо же, дурацкая сеть Его Высочества и впрямь сработала, — Цзи Чэнфэн озадаченно

почесал затылок. — Я-то думал, парень просто балуется. А спасенный, видать, в рубашке родился, раз уцелел после такого падения.

— Да какая разница, — махнул рукой Шэнь Лан, искренне радовавшийся за воспитанника. — Главное, что наш принц наконец-то задумался о женитьбе. Я уж грешным делом думал, он холостяком ходит, чтобы нас, старых бобылей, не смущать. Оказалось, просто невесту достойную не встречал. Вот только... не рановато ли объявлять этого человека супругом? Спешка в таком деле может навредить нашему общему делу.

Старый Шэнь Хуайюань никак не отреагировал на разговор. Похоже, он вообще не понимал, о чем идет речь, и лишь мирно дремал, уронив голову на грудь.

— Наш принц всегда тянулся к прекрасному, — добродушно ухмыльнулся простодушный Чэнь Лэй. — Я давеча расспросил А-Мо, так тот уверяет, что спасенный — писанный красавец.

— Помните, как в детстве Его Высочество впервые выбрался из нашего убежища в город и приметил лавку с портретами красавиц? Вцепился в один рисунок, умолял купить, а когда Великий наставник отказал, так разобиделся, что впервые в жизни устроил бунт.

— Ишь, память какая, — проворчал Цзян Юньчжи, застегивая воротник стеганого халата.

Многоопытный старец прекрасно видел, что эти добряки просто-напросто выгораживают сорванца.

Ин Цинъян рос ласковым и смышленным мальчиком, умевшим расположить к себе любого. Старики, лишённые собственных семей и радостей мирской жизни, души не чаяли в сироте и любили его как родного сына.

Один лишь Цзян Юньчжи не поддавался на очарование юного принца. Он держал воспитанника в ежовых рукавицах и в случае нужды не гнушался братья за розги.

Поступок Цинъяна переходил все границы. Какие бы благородные мотивы им ни двигали, приваживать чужака в их тайное прибежище было смертельно опасно.

— Великий наставник, — тихо вздохнул Шэнь Лан. — Мы столько лет прячемся здесь, как тени. Для всего мира наши имена давно высечены на поминальных табличках. А Пятый принц Великой Ин сгорел в пламени, охватившем императорский дворец...

Погибшее государство, горстка всеми забытых изгнанников — время неумолимо стирает память о них.

Еще несколько лет назад, помышляя о женитьбе Цинъяна, они смирились со своей участью и готовы были навсегда раствориться среди простого люда.

Но принц тогда наотрез отказался.

— Сначала я посмотрю на этого гостя, а там решим! — хмуро бросил Цзян Юньчжи. Он не поддавался уговорам и, запахнув халат, решительным шагом направился к выходу.

Остальные трое переглянулись и, вздохнув, поспешили следом.

Наставника не покидало смутное предчувствие беды.

Разговоры о внезапной любви и скорой женитьбе казались ему вздором — скорее всего, негодник опять натворил делов и наспех состряпал нелепую ложь, чтобы избежать наказания.

И Цзян Юньчжи твердо вознамерился вывести его на чистую воду.

При одной мысли о том, как Цинъян когда-то нянчился с паршивой хромой кобылой, у наставника зубы начинали скрежетать от злости. Цинъян вел себя точь-в-точь как непутёвые отпрыски знатных семейств, изводящие старших своими причудами.

Свирепый взор старца напугал даже верного стража А-Мо. Встретившись глазами с разъяренным Великим наставником, парень невольно попятился, освобождая проход.

Цзян Юньчжи с шумом распахнул дверь. Окинув комнату быстрым взглядом, он сразу заметил устроившегося на постели Цинъяна. Тот склонился над распростёртым телом, едва не касаясь своим лицом лица незнакомца.

Великий наставник свирепо уставился на них и взревел на весь дом:

— Ах ты негодник! Что за бесстыдство?! Покушаться на беззащитного — разве так подобает вести себя благородному мужу?!

От этого громоподобного крика Ин Цинъян подпрыгнул на месте и ошарашенно обернулся.

Ввалившиеся следом советники тоже не сразу сообразили, что происходит. Решив, что наставник сейчас пустит в ход кулаки, они гурьбой бросились разнимать спорщиков.

— Великий наставник, остыньте! Хочет жениться — пускай женится!

— В самом деле, все равно ведь делить ложе будут, чего уж теперь!

— Дело-то житейское, всего лишь сшить лишний наряд! Не гневайтесь, Великий наставник!

От такой откровенной снисходительности у Цзян Юньчжи перехватило дыхание. Натиск соратников удержал его на месте, не давая сделать и шагу к постели.

Только сейчас Ин Цинъян понял, насколько двусмысленно выглядел со стороны его невинный жест.

Он поспешно вскинул ладони, округлив глаза от возмущения:

— Небеса мне свидетели! Я просто хотел проверить, нет ли у него лихорадки! У меня самого пальцы окоченели, ничего не чувствую. К тому же здесь лекарь Сунь! Что я, по-вашему, мог натворить у всех на виду?

«Прикоснуться лбом ко лбу — самый надежный способ!»

Беда была в том, что от природы Цинъян обладал на редкость томным, чарующим взглядом. Сбоку и впрямь могло показаться, будто юноша склонился для нежного соития.

Ослепленный гневом Великий наставник лишь теперь сообразил, что в комнате они не одни.

Лекарь Сунь, забившись в угол, увлеченно копался в своем сундучке, бормоча под нос:

— Странно, очень странно... Будь он хоть трижды крепок телом, без пилюли очищения от ядов уже давно бы испустил дух. Но ведь живет! Неужто среди моих старых трав затесалось какое-то чудодейственное коренье?..

«Подождите... Отрава? Пилюля очищения от ядов?»

Эта догадка громом пронеслась в голове наставника.

В одно мгновение все разрозненные кусочки мозаики сложились воедино. Цзян Юньчжи понял, к чему был весь этот фарс с безумной любовью и женитьбой. Паршивец просто пытался отвлечь внимание от своего главного преступления!

Едва улегшийся гнев вспыхнул с новой, еще более сокрушительной силой.

— Ах ты негодяй! — взревел Цзян Юньчжи, указывая на воспитанника дрожащим пальцем. — Ты скормил драгоценную пилюлю очищения от ядов первому встречному безродному бродяге?!

Цзи Чэнфэн и Чэнь Лэй, все еще удерживавшие наставника за плечи, принялись тихо перешептываться:

— А это зелье и впрямь такое чудодейственное?

— Почем мне знать? То дворцовые тайны, нам, простым гвардейцам, неведомые.

Ин Цинъян ожидал, что Великий наставник устроит нагоняй, но подобная буря эмоций застала его врасплох.

Прежде старик никогда не трясся над этой реликвией. Что же заставило его так разъяриться теперь?

Цинъян упрямо вздернул подбородок и шагнул вперед. Терять ему было нечего.

— Теперь уже поздно махать кулаками! Пилюлю очищения от ядов он выпил, дело сделано. И раз так — я твердо решил: отныне моя жизнь принадлежит ему, и ни на ком другом я не женюсь!

Юноша отступил в сторону, и взорам присутствующих открылось бледное, благородное лицо незнакомца.

Черты его лица были столь изысканны и тонки, что даже Великий наставник на миг потерял дар речи от изумления. Но в следующую секунду он закричал так, что задрожали стропила:

— Чушь собачья! Ты совсем разум потерял, глупец! Тебя завтра на невольничьем рынке продадут, а ты еще и монеты за себя пересчитаешь! Погляди на него внимательно! Это же мужчина! Как ты собрался вести под венец мужчину?!

Слово «мужчина» прозвучало подобно грому среди ясного неба. В тесной комнате воцарилась звенящая, мертвая тишина.

Ин Цинъян и не думал сдаваться. Он тут же запальчиво выкрикнул в ответ:

— Да! Все мои прежние сказки про тихую семейную жизнь с кроткой девицей были чистой ложью! Ваш принц предпочитает мужчин! У меня склонность к обрезанному рукаву, и с этим уже ничего не поделать! Можете говорить что угодно, Великий наставник, но выбор сделан!

— Против природы не пойдешь!

Присутствующие, включая лекаря Суня, застыли от изумления.

Постойте... Что он только что нес?!



<http://bllate.org/book/19722/1951806>